

Страхов Н.Н.

Слово и Дело, комедия в пяти действиях, Ф. Н. Устрялова.

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «Времени»)

Мы ничего не имеем против нигилистов. Помилуйте, было бы очень странно, если бы при доброте нашего сердца и проницательности нашего ума мы что-нибудь против них имели. Известно всем и каждому, что нигилисты, а также и нигилистки составляют едва ли не лучшую полосу современных людей.

Признаемся, что мы вообще считаем людей за весьма плохой народ: они большею частью своекорыстны, завистливы, мелочны, тщеславны, самолюбивы и проч. и проч. Нигилисты выгодно отличаются от общей массы. Они просты, серьезны, ищут дела и занимаются делом, презирают мелочи; у них нет той фальшивой наружности, о которой так много хлопочут другие; поэтому, приходя в соприкосновение с ними, невольно чувствуешь свежее впечатление живой души.

Если же так, то не было ли бы с нашей стороны очень странно и удивительно, если бы мы не сочувствовали нигилистам?

Итак мы сочувствуем им всею душою; но вот в чем наша беда — нигилизму мы нимало не сочувствуем и даже весьма мало признаем его существование. Так как дело пошло на откровенность, то попробуем прямо высказать свои мысли. Мы тем смелее можем это сделать, что нигилисты люди простые и прямые и не поставят нам в грех наших искренних убеждений, составившихся без всякого влияния личных интересов.

Дело в том, что нигилизм по нашему мнению едва ли существует, хотя нет никакого сомнения, что существуют нигилисты. Как это ни странно с первого взгляда, но это бывает. Есть например *спиритисты*, люди, верящие в движение столов и в их способность предвещать будущее, а между тем столов, способных двигаться от действия духов и предвещать будущее, наверное нет. Подобных примеров можно бы привести многое множество. Так точно и у нас. Едва ли существует то что называется нигилизмом, а между тем есть много людей и между ними много прекрасных людей, признающих, нигилизм.

Попробуем изложить дело так, как мы знаем его по нашему крайнему разумению. Нам кажется, что нигилизм (заметьте не нигилисты) одолжен своим происхождением главным образом противникам нигилистов. Эти противники, люди наблюдательные, самолюбивые, тонкие, тотчас заметили темную и пеструю толпу, которая или не глядела на них, или была готова при первом удобном случае от них отвернуться. Будучи очень щекотливы и проницательны, они тотчас остановили на этой толпе свое внимание и принялись анализировать ее со всем искусством, которым обладали. Толпа (да простят нам это название; мы не разумеем под ним ничего дурного) как и всегда была преисполнена бесчисленных зачатков и хорошего и дурного; это был несложившийся, туманный, чреватый будущим хаос. Лучшим орудием против нее были бы новые лучи света, новые, животрепещущие создания, новые организмы, которые потянули бы в себя из этого хаоса живые соки и там его рассеяли бы. Но противники поступили иначе. По своему бесплодию, или по излишней раздражительности и недоверию к себе, они пришли к убеждению, что в этом хаосе начинается своеобразная, самостоятельная организация. Тогда они принялись за дело с прилежанием и с чрезвычайно добросовестностью. После

некоторых пробных розысков и обследований лучший мастер, которому только можно было поручить подобное дело, И. Тургенев, изобразила живьем с кровью и плотью — представителя, образцового члена загадочной толпы. Мнения и чувства этого представителя были превосходно сгруппированы и доведены до возможной отчетливости и гармонии. В завершение всего Тургенев открыл и создал самое трудное; он угадал имя этого человека, он назвал его *нигилистом*.

Имя — звук пустой! Но кто не знает, как важно в этом случае имя? Ведь это то же, что знамя, развивающееся у всех на виду, всем указывающее цель, всех ободряющее и укрепляющее сознанием единства. Да, имя много значит! Об этом говорит уже Мефистофель:

Когда недостает понятий,
Тогда-то *имена* и кстати!

И в самом деле из всего, что есть в романе Тургенева, слово нигилизм имело самый громадный успех. Оно было принято беспрекословно и противниками и приверженцами того, что им обозначается. Но с особенною радостью кажется схватились за это слово приверженцы, то есть толпа, то есть хаос, словом то что до тех пор было безвидным и безыменным и что вдруг получило вид и имя! Теперь это имя повторяется в печати ежедневно и ежемесячно нескончаемое число раз.

Не так легко и успешно было дело с теми *понятиями*, которые придумал Тургенев своему нигилисту Базарову. Вы помните страшную разноголосицу, поднятую по поводу этих понятий. Одни нашли их вполне согласными с идеєю нигилизма, другие, не поняв в чем дело и подозревая во всем коварный и тайный умысел, вооружились против них насколько могли. Кто устранил эти затруднения? Кто разъяснил дело и освободил его от недоразумений и противоречий? Опять они же, противники нигилизма. Они употребили все усилия, чтобы исправить ошибочное понимание Базарова, отделить существенное от случайного, и вообще выставить черты нигилизма как можно яснее и выпуклее.

Итак во всей этой истории мы видим одно: нигилизм ничего для себя не сделал; все для него сделано его противниками. Они создали ему героя, дали ему имя, заботились об его истолковании.

Мы были бы очень счастливы, если бы читатели согласились, что в наших заключениях, как они ни похожи на парадокс, есть своя доля правды. Говорим без всякой задней мысли и без всяких тайных притязаний. Впрочем сколько мы не рассчитываем на благосклонность и снисхождение читателей, мы не решились бы высказывать наших мыслей в настоящее грозное и воинственное время, если бы недавно не встретили для них разительного доказательства, или по крайней мере подтверждения, способного поколебать самые твердые убеждения в значительности нигилизма.

На Мариинском театре появилась пьеса, которая тотчас возбудила внимание, произвела толки и до сих пор пользуется успехом. Она называется: «Слово и Дело». Шум произошел от того, что герой пьесы, некто *Вертяев*, напоминает собою тургеневского Базарова, что он принадлежит к этому типу, будто бы воплощающему в себе наши новейшие стремления. Но в этом еще не все; говорили, что Вертяев сверх того есть исправленный Базаров, что автор в нем поправил дело Тургенева, будто бы умышленно исказившего черты своего героя¹.

Итак вот новое, последнее воплощение нигилизма. Судя по слухам можно было подумать, что настоящий нигилист наконец найден. Услужливые люди уже корили Вертяевым Тургенева; они говорили, что настоящий нигилизм, тот, который исповедуется этим героем, есть вещь прекрасная и что успех пьесы ясно показывает

¹ В редакцию было доставлено много критических статей, в которых новая комедия рассматривалась с такой точки зрения. *Ред.*

сочувствие общества этому нигилизму, как направлению действительно свежему и новому. Одним словом они очень громко трубили победу.

Казалось бы кому бы и не знать в чем дело, как не людям услужливым, которые, говорят, по глазами угадывают, чего хочется предмету их ухаживаний? Если они признали Вертяева подлинным нигилистом, то должно быть это и на самом деле нигилист, и притом не какой-нибудь Базаров, наводящий смущение и неудовольствие, а напротив нигилист, на которого приятно взглянуть всякому нигилисту.

Но что же оказывается? Нам странно, как могли услужливые люди дать такое толкование пьесе г. Устрялова; нам даже несколько совестно за их проницательность. Ведь пьеса собственно должна бы носить следующее заглавие :

ВЕРТЯЕВ

или

НИГИЛИСТ, РАСКАЯВШИЙСЯ В СВОЕМ НИГИЛИЗМЕ.

В самом деле вся комедия построена на самой простой и невинной идейке, именно на том, что человек, отвергающий любовь на *словах*, на *деле* может влюбиться по уши. Отсюда и ее заглавие: «Слово и Дело», которое значит: на словах человек один, а на деле другой. Отсюда даже и название героя: *Вертяев*, название вовсе не героическое и показывающее, что его обладатель не стоит твердо, а *вертится*, когда от слова доходит до дела.

Стоит только раз убедиться в невинности затей автора, чтобы тотчас постигнуть его мысль и не искать для нее никаких глубоких и далеких смыслов. Пьеса построена не дурно; но в ней нет характеров и следовательно нельзя искать ни особенной глубины, ни особенного складу в речах и действиях лиц.

Чтобы читателям ясно было, как понимается в пьесе главный герой и все содержание комедии, выпишем почти весь последний монолог Вертяева, составляющий очевидное нравоучение басни.

«Когда вы встретите — говорить он — такого человека, каков я *был* прежде, когда он на ваших глазах будет *отвергать все*, ломать всякое чувство, признавать только один рассудок, жить одним умом, признавать одну видимую пользу — *не верьте!* Это только *слово*. Вы смотрите на *дело!* Не верьте ему! он *лжет!* Он лжет против самого себя, неумышленно, невольно, с убеждением, но... лжет! Пусть он *говорит!* пусть видит одну прозу в жизни, пусть нет для него *ничего святого*, кроме пользы, ничего заветного, кроме опыта. Настанет минута и он узнает... узнает наверно, что есть в жизни *что-то другое*, в чем мы не властны, что не отразимо, что влечет нас к себе и побеждает... Он узнает и поверит!.. Я говорю это по опыту, и дай-бог, чтобы всякий это испытал, тогда не будет фальшивых убеждений!»

По этому малому отрывку читатель может судить и о смысле комедии, и о ее выполнении, о манере, языке и проч. Складу очень мало. Не забудьте, что Вертяев здесь разом высказывает и свои старые, и свои новые убеждения. Куда как хорошо слеплены и те и другие! Особенно как подумаешь, что по старыми-то убеждениям Вертяеву хотелось быть родным братом Базарову.

Но примем все за чистую монету, не за театральное представление, а за действительную жизнь. Так вот они каковы новейшие нигилисты! Они — Вертяевы! Они сначала *лгут с убеждением*, а потом *узнают и поверят!* Они сперва увлечены *фальшивыми убеждениями*, а потом когда *настанет минута*, раскаиваются в этих убеждениях!

Что ж? Должно быть в самом деле хорошие люди! Покаяться никогда не поздно; одно только худо — они имеют право на название *нигилистов* только до раскаяния, а как покаются, то необходимо должны отречься от этой привилегии и стать просто людьми как и все.

Признаемся, что таким образом мы снова повергаемся в великое недоумение. Что же такое *нигилизм*, если ни одному слову нигилистов верить нельзя, если каждое из них в известную *минуту* может оказаться *ложью* и *фальшивым* убеждением? Из комедии «Слово и Дело» явное заключение только одно: нигилисты прекрасные люди, но их мнения, их нигилизм есть нечто такое, в чем они рано или поздно должны раскаяться.

Нам скажут может быть, что мы во всем этом деле ошибаемся, что тот кто сочинил комедию, те, которые ее смотрели и те, которые об ней толковали, не имеют никакого понятия об настоящем нигилизме. Мы готовы с этим согласиться, но вместе с тем с грустью должны будем убедиться, что нигилизм есть вещь темная, неопределенная, еще мало проявившаяся, так что относительно ее самые усердные люди легко впадают в грубейшие ошибки.

Так или иначе — нам во всяком случае искренно жаль. Русская земля как известно, земля бесплодная, пустынная. Некоторое время мы обольщались надеждою, что на ней уже расцвел и распустился нигилизм. Как бы мы ни относились к нему лично, все-таки приятно было думать, что что-то есть, что на что-то можно посмотреть и что-то можно послушать. И вдруг на том месте, куда обратилось столько взоров, оказывается, как и во многих других местах, мрак и пустота, а по большей мере безвидный и безыменный хаос.

Может быть это и не так. Мы нимало не думаем ручаться за то, что таково именно настоящее положение дела; но согласитесь, что так можно подумать, если судить по некоторым фактам, по этим комедиям и критикам, и вообще по всему, чем нигилизм заявил себя литературно.

Н. КОСИЦА

Из изд. "Время" .- 1863.- №2, отд. "Современное обозрение"
